

дательной деятельности Тредиаковского и до распространения влияния Сумарокова — русский стих находился в орбите влияния не французского, а немецкого классицизма). Думается, решение Ломоносова больше определяла сама ситуация в русской поэзии начала 1740-х гг. Тоническая система стихосложения в ту пору, когда составлялась надпись, по-настоящему еще не утвердилась и торжествовала лишь под пером Ломоносова; даже А. П. Сумароков только пробовал в ней свои силы. Основная же стихотворная продукция и, соответственно, слух читателей оставались под властью силлабики или силлаботоники, введенной Тредиаковским. На этом фоне двудольный ямб звучал определеннее и контрастнее трехдольного гекзаметра, а шестистопный стих — длинного стиха. Александрийский стих оказывался наиболее регулярным из длинных стихов. Таким образом, то, что в контексте немецкой полемики могло бы рассматриваться как регресс, в русском контексте оказывалось наиболее прогрессивным. Побочным, но первостепенной важности следствием утверждения александрийского стиха в России стала возможность большей соотнесенности русского классицизма с французским.

2. Первая похвальная надпись Петру I

Сам странный выбор начальных стихов «Энеиды» для надписи Петру I, вероятно, имеет косвенное отношение к лейпцигской «Энеиде». Петербургская надпись не может рассматриваться вне контекста лейпцигских споров, она — далекий отголосок того вергилиевского хора. Идея помещения строк из «Энеиды» на картуше принадлежит неизвестному нам автору проекта картуша, которым, скорее всего, был Я. Я. Штелин.²² Некогда он был деятельным членом Немецкого общества и, конечно, хорошо знал о споре по поводу «Энеиды», а возможно, и сам увлекался им.

В начальных стихах «Энеиды»: *«Multum ille terris jactatus et alte Multa quoque et bello passus dum conderet urbem»*²³ — кратко повествуется о всех событиях эпопеи и раскрывается смысл пройденного Энеем пути. Итогом этого пути стало основание города, который одновременно и знак освобождения от гнева богов,

²² Начиная с 1735 г. Штелин был постоянным автором инвентарей гравюр. См. об этом: Алексеева М. А. Гравировальная палата (исторический очерк) // Гравировальная палата Академии наук XVIII века. Л., 1985. С. 41.

²³ Подстрочный перевод: «...много (долго) скитавшийся (бросаемый) по суше и морю, Многое претерпевший и в войне, пока не основал город...».